

5. Рогачев В. В ожидании рассвета // Занкиев Я. Зори Иртыша. Тюмень: СофтДизайн, 1998. С. 8.

6. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 18-19.

7. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002.

*Екатерина Анатольевна ГОЛОВИНА —
аспирант кафедры английского языка*

УДК 81'42

ТЕКСТ КАК ДИАЛОГ

АННОТАЦИЯ. В статье предлагается анализ диалогической концепции М. М. Бахтина, в которой текст рассматривается как диалог в двух аспектах: внутритекстовых и внетекстовых диалогических отношений. Автор подчеркивает, что данная концепция является созвучной современным лингвистическим учениям, в том числе и теории драматического дискурса.

The author regards the dialogue concept by M. M. Bakhtin, who views the text as a dialogue considering intextual and extratextual factors, and points out that this concept fully corresponds to contemporary linguistic theories including drama discourse.

Еще в 20-х годах прошлого столетия М. М. Бахтин отметил неразработанность того раздела лингвистики, в котором должны исследоваться большие текстовые единства: «длинные жизненные высказывания, диалог, речь, трактат, роман и т. п., ибо и эти высказывания могут и должны быть определены и изучены чисто лингвистически, как языковые явления... До сих пор лингвистика научно еще не продвинулась дальше сложного предложения; это самое длинное лингвистически научно обследованное явление языка: получается впечатление, точно лингвистический методически чистый язык здесь вдруг кончается и начинается сразу наука, поэзия и проч., а между тем чисто лингвистический анализ можно продолжать и дальше» [1: 45]. Почти в течение полувека это замечание сохраняло свою актуальность, и только в 70-е годы XX века, когда стала бурно развиваться лингвистика текста, уровень предложения был преодолен.

На необходимость выхода за пределы предложения обращали в свое время внимание А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба [2; 161-170]. Возникновение лингвистики текста было подготовлено и успехами стилистических исследований, традиционно сфокусированных на тексте, появлением теории речи в психологии и лингвистике, развитием функциональной грамматики, теории актуального членения, фоностилистики.

Однако надежды, возлагавшиеся на лингвистику текста, не оправдались. Ожидания, что открытия в области лингвистики текста дадут правила соединений предложений в связанное целое, но сохраняют неизменным само деление языковой системы на уровни, классы, категории, оказались напрасными. Уже к концу 70-х годов были сделаны выводы, что исследование текста ведет к перестройке реконструируемой языковой системы, что проявляется 1) в выведении новых содержательных категорий; 2) в теоретической модификации традиционных содержательных категорий; 3) в появлении новых функциональных классов; 4) в переосмыслении и иной классификации единиц традиционной грамматики [3; 23]. Из этого следовало, что языковая компетенция не исчерпывается способностью строить и понимать осмысленные предложения, она предполагает также владение механизмами сверх фразового анализа и синтеза. Формиро-

вание корпуса текстов не из изолированных предложений, а из сложных и разнообразных по композиции и жанровой принадлежности текстовых единств позволяет создать иную реконструкцию языка, отличающуюся от традиционной [4; 86]. И к концу 80-х годов лингвистика расширяет предметную область своих исследований, делая антропологический поворот. Отталкиваясь от идей В. фон Гумбольдта, В. И. Поставалова констатирует: «Исходная идея антропологической лингвистики состоит в том, что язык представляет собой конститутивное свойство человека, делающее его человеком. Принятие этого тезиса влечет за собой выдвижение двух методологических требований: 1) познание человека неполно и даже невозможно без изучения языка; 2) понять природу языка и объяснить ее можно лишь исходя из понимания человека и его мира. Построение лингвистики на антропологических началах предполагает объединение в единой онтологии теории языка и теории человека» [5: 31-32]. Вместе с человеком в фокусе лингвистики оказалась и жизнь, социальные отношения, все, что связано с человеком [6]. При описании речевого действия во внимание принимаются уже не только схемы практической и коммуникативной деятельности, но и схемы организации внутреннего мира говорящего [7: 4]. Поэтому, «на долю лингвиста», — пишет Е. С. Кубрякова, — «выпадает строить предположения не только о том, какая система собственно лингвистических форм стоит за речемыслительной деятельностью, но и о том, как языковые выражения, категории, единицы связаны с восприятием мира и как они отражают его познание» [8: 37]. Без учета этого аспекта мы не сможем описать или объяснить процессы и способы передачи информации [9: 128].

Именно такой подход к языку декларировал М. Бахтин, основывая свою «металингвистику». «Гуманитарные науки — науки о человеке и его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки (анатомия и физиология человека и др.)» [10; 285]. Текст как «первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [10: 292] состоит из высказываний, которые пронизаны диалогическими отношениями. Эти отношения в корне отличаются от лингвистических отношений элементов как в системе языка, так и в отдельном высказывании. «Лингвистические элементы нейтральны к разделению на высказывания, свободно движутся, не признавая рубежей высказывания, не признавая (не уважая) суверенитета голосов. Чем же определяются незыблемые рубежи высказывания? Металингвистическими силами» [10: 293]. Поскольку предметом лингвистики являются «системные или линейные отношения между знаками», то «отношения высказываний к реальной действительности, к реальному говорящему субъекту и к реальным другим высказываниям, отношения, впервые делающие высказывания истинными или ложными, прекрасными и т. п., никогда не могут стать предметом лингвистики. Отдельные знаки, системы языка или текст (как знаковое единство) никогда не могут быть ни истинными, ни ложными, ни прекрасными и т. п.» [10; 303].

Диалогические отношения между высказываниями в тексте выводят любой текстовый анализ за пределы лингвистики в пограничную область исследований, которую Бахтин обозначает как металингвистику, а свой анализ текста называет философским, с движущимся «в пограничных сферах», «на стыках и пересечениях» лингвистики, литературоведения, филологии [10; 281], так как сущность текста заключается в «событии жизни», которое развивается «на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [10; 285]. Отсюда и программа или стратегия исследования

текста — диалог автора текста и исследователя, «диалог особого вида: сложное взаимоотношение текста (предмет изучения и обдумывания) и создаваемого обрамляющего контекста (вопрошающего, возражающего и т. п.), в котором реализуется познающая и оценивающая мысль ученого. Это встреча двух текстов — готового и создаваемого реагирующего текста, следовательно, встреча двух субъектов, двух авторов» [10; 285].

Диалогический подход к тексту, т. е. его анализ в аспекте интерсубъектности — одно из проявлений диалогизма как антропоцентрического взгляда на объект лингвистики. В этом отношении язык как объект действительно определяется субъективно [11]. Бахтин выделяет два полюса текста. С одной стороны, текст предполагает язык — «общепонятную (то есть условную в пределах данного коллектива) систему знаков». То есть «за каждым текстом стоит система языка» и «в тексте ей соответствует все повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста» [10; 283]. С другой стороны, «каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). Это то в нем, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории» [10; 283].

Такой подход к тексту делает язык лишь одним из его аспектов. Язык — это «материал и средство». Главное в тексте — его замысел, авторская интенция. Кроме этого, конституирующими являются его ценностный аспект, а также индивидуально-стилистический. Как видно из этого соотношения, «над категорией текста...совершены две операции, идущие вразрез с тенденциями семиотики. Во-первых, Бахтин «развоплотил» текст, показав опять-таки вторичность, техничность собственно языкового знакового материала; во-вторых же, он «очеловечил» текст, тогда как едва ли не главной целью семиотики было оторвать текст от его автора» [12; 42]. Поскольку текст взаимодействует с контекстом, его неповторимый авторский момент «не вмещается» в текст как таковой (т. е. как знаковый комплекс) по причине «повторяемости и общезначимости» языковых единиц, конституирующих текст. Замысел текста «осуществляется чистым контекстом» [10; 283], присутствием его адресата и интерпретатора в ситуации «произнесения» текста. Бахтин расширяет проблему текста до границ проблематики словесного творчества и говорит о произведении, а в связи с текстом вне художественного творчества решает проблему интерпретации. Но и текст, и произведение «событийны», разомкнуты: текст — это событие отношения автора и интерпретатора, а произведение — событие отношения автора и героя. Другими словами, это диалогические события, относящиеся к сфере духовной культуры. Диалогические отношения, которые пронизывают текст, имеют своеобразный характер. Они не сводимы ни к логическим, ни к лингвистическим, ни к психологическим, ни к механическим или к каким-либо иным отношениям. Это особый тип смысловых отношений, которые возникают между целыми высказываниями, за которыми стоят речевые субъекты, авторы данных высказываний. Наиболее простым и наглядным видом таких отношений является реальный диалог. В художественном тексте он представлен в виде композиционно-речевой формы «диалог», в котором каждая реплика может быть и монологичной, а каждый монолог может быть репликой большого диалога. Отношения между репликами такого диалога не совпадают с диалогическими отношениями. «Диалогические отношения гораздо шире, разнообразнее и сложнее диалогической речи. Два высказывания, отдаленные друг от друга во времени и в пространстве, при смысловом сопоставлении обнаруживают диалогические отношения, если между ними есть

хоть какая-нибудь смысловая конвергенция (хотя бы частичная общность темы, точки зрения и т. п.» [10; 303-304].

С другой стороны, возможно упрощенное понимание диалогических отношений как спора, полемики, противоречия. Бахтин приводит в качестве примера диалогических отношений согласие, даже если два субъекта повторяют одно высказывание «Прекрасная погода!» — «Прекрасная погода!»). Произнесенные разными голосами, эти высказывания оказываются связанными «диалогическим отношением согласия. Это определенное диалогическое событие во взаимоотношениях двоих, а не эхо» [10; 304]. Повторяемость этой фразы как языкового материала, как знака, не означает повторяемости данного текста, который произнесен двумя говорящими в конкретных условиях, с определенной интонацией. В других условиях даже те же субъекты произнесут эту фразу иначе. И в этом заключается неповторимость события жизни текста, которое происходит всякий раз, когда текст создается или воссоздается при повторном чтении или произнесении, так как субъекты всякий раз другие (в другом состоянии, с другими знаниями, из другого времени или пространства).

Итак, в тексте имеются два полюса: языковой (повторимый), связанный с элементами системы языка, и авторский (неповторимый), связанный с другими текстами диалогическими отношениями. Двигаясь от полюса к полюсу в процессе анализа текста, неизбежно приходится пересекать рубежи всех гуманитарных наук, поскольку все они исходят из текста как первичной данности и стремятся либо к первому полюсу (язык текста), либо ко второму (событие текста). Значащая неповторимость текста осуществляется языком, условным в пределах данного социального коллектива. Неповторимость включает в себя момент автора и возникает в момент его встречи с Другим — встречи двух сознаний, двух субъектов, двух авторов. И это «новое неповторимое событие в жизни текста» рождается в создающем текст хронотопе, в историческом сцеплении текстов.

Как субъективное отражение объективного мира текст выражает сознание, что-то отражающее. «Когда текст становится объектом нашего познания, мы можем говорить об отражении отражения. Понимание текста и есть правильное отражение отражения. Через чужое отражение к отраженному объекту» [10; 285]. Поэтому «увидеть и понять автора произведения — значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, то есть другой субъект» [10; 289]. Сознание себя, или самосознание, равнозначно личности. «Всякий истинно творческий текст всегда есть в какой-то мере свободное и не predetermined эмпирической необходимостью откровение личности. Поэтому он (в своем свободном ядре) не допускает ни каузального объяснения, ни научного предвидения» [10; 285]. Такой подход нельзя назвать ни чисто объективным, ни чисто субъективным. Это подход интерсубъективный. С одной стороны, он предполагает анализ структур, созданных взаимодействием субъектов и одновременно этих субъектов конституирующих. Сюда относятся не только языковые, но и культурные, этические, эстетические структуры. Такое понимание интерсубъективности (которое можно свести к контексту, или социокультурной среде текста) характерно для французской школы анализа дискурса (Фуко, Деррида). Другое понимание интерсубъективности наблюдается у Ю. Хабермаса и его последователей (оно сводимо к разделенному мировоззрению) и связано с взаимопониманием в процессе коммуникации: основой взаимопонимания является схожесть интерпретации общих фактов и программ поведения при несущественных различиях, а также взаимозаменяемость точек зрения Я и Другого [13].

Разомкнутость, принципиальная открытость текста, помещенность его в интересующее пространство, его «вписанность» в социокультурный контекст, его связь с пре-текстами и после-текстами [14; 15] составляют ту диалогическую особенность текста, которую Ю. Кристева назвала интертекстуальностью. У. Эко, характеризуя «открытое произведение» в искусстве, подчеркивает бесконечность его аспектов, которые представляют собой не части или фрагменты произведения, а возможности иной перспективы его рассмотрения, т. е. каждый аспект включает не часть, а все произведение, раскрывает его с новой стороны. Поэтому каждое новое прочтение, исполнение, интерпретация заложено и в самом произведении, и в индивидуальности исполнителя, интерпретатора, читателя [15]. Множественность интерпретаций, их практическая бесконечность поддерживается их взаимодействием, диалогом, который помогает прояснить подходы и точки зрения при условии, что каждая точка зрения раскрывает произведение в его целостности, т. е. текст воспринимается в его личностном аспекте. Аналогично, один аспект произведения может раскрыть все произведение в новом свете при условии допущения другой точки зрения, способной охватить его во всей его жизненности. Так создается «открытая» ситуация в творчестве, искусстве — ситуация процесса, ситуация «в развитии», когда любое произведение рассматривается на фоне исторических влияний, культурного диалога, связи с современным многоаспектным мировоззрением. В научном мире сегодня не существует единой идеальной концепции вселенной — предпочтение отдается разнообразию подходов и плюрализму теорий, которые отражают общее стремление к открытию и обновлению контакта с действительностью. Современные когнитивные исследования подтверждают необходимость «новой оптики» — расширения «теоретических линз» [16], т. е. введение в фокус теоретического анализа речевой деятельности перспектив разных дисциплин, что позволяет интегрировать аспекты когнитивной науки с антропологическими и культурными традициями, объединить альтернативные подходы к изучению когнитивных структур как дискурсивных, социальных или воплощенных (17; 18; 19 и др.).

С этой точки зрения, текст как диалог можно рассматривать, по крайней мере, в двух аспектах: в аспекте внутритекстовых диалогических отношений и в аспекте внетекстовых диалогических отношений. Внутритекстовой диалог создается автором как семантическая составляющая текста, включающая его обращенность, или адресованность. Эта составляющая может быть обозначена как дискурсивная стратегия. Внетекстовой диалог прослеживается в связях данного текста с обрамляющим контекстом, его выходе в интертекстуальное пространство [20]. В этом отношении отмечается пограничный характер автора и читателя, что обнаруживается в диалектике их вневходимости и внутривключенности: автор и предполагаемый адресат принадлежат одновременно и внешнему, и внутреннему миру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975.
2. Львов М. Р. Основы теории речи. М., 2000.
3. Николаева Т. М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы // Новое в зарубеж. лингвистике. М., 1978, Вып. 8. С. 5-39.
4. Попович М. В. Структура и смысл. Киев, 1989.
5. Постовалова В. И. Мировоззренческое значение понятия «языковая картина мира» // Анализ знаковых систем: История логики и методология науки. Киев, 1986. С. 31-32.
6. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов: Сб. ст. /Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1989.

7. Сусов И. П. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс // <http://homepages.tversu.ru>
8. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // М.: Наука, ВЯ, 1994, №4. С. 34-47.
9. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // М.: Наука, ВЯ, 1994, № 5. С. 126-139.
10. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
11. Богушевич Д. Г., Об эволюции образа языка в лингвистике // Интегративные тенденции в современном социально-гуманитарном знании. Материалы Международной научной конференции. Минск, 2000.
12. Бонецкая Н. К. Проблема текста художественного произведения у М. Бахтина // Филологические науки, 1995, № 5-6. С. 37-44.
13. Habermas, Jurgen. Moral Consciousness and Communicative Action. Cambridge, 1989.
14. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
15. Eco U. The Open Work. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1989
16. Плеханова Т. Ф. Текст как диалог. Минск, 2002.
17. Graves B. The Study of Literary Expertise as a Research Strategy // Poetics, 1996, No. 23. P. 385-403.
18. Lemke J. L. Interpersonal Meaning in Discourse. London: Pinter, 1992. P. 82-104.
19. Billig M. Arguing and Thinking. Cambridge, 1996.
20. Lakoff G. Philosophy in the Flesh. New York, 1999.
20. Плеханова Т. Ф. Текст как диалог. Минск, 2002.

*Андрей Борисович КУТУЗОВ —
аспирант кафедры перевода и переводоведения*

УДК 81'33

МОДЕЛЬНЫЕ УРОВНИ ДИСКУРСА СЕТЕВЫХ ФОРУМОВ

АННОТАЦИЯ. В статье делается попытка структурирования подходов к моделированию компьютерного дискурса. Автор постулирует существование четырех модельных уровней дискурса сетевых форумов: уровень автора, уровень форума, уровень треда и уровень высказывания. В статье описываются основные характеристики каждого из уровней.

The author makes an attempt to classify approaches to computer discourse modeling and postulates the existence of four modeling levels of network forums discourse: author level, forum level, thread level and utterance level, describing separately each of these levels.

Современная наука все чаще обращается к моделированию как инструменту изучения реальности. В сущности, практически любое исследование является случаем моделирования. Сущность моделирования в том, чтобы абстрагироваться от несущественных свойств и сосредоточиться на исследовании важного. Важно, что одному объекту реальности может соответствовать несколько адекватных моделей (или уровней моделирования). В данной статье мы попытались дать описание различных уровней моделирования, которые могут быть применены к дискурсу сетевых форумов.

Многие лингвистические работы последнего времени посвящены моделированию дискурса, как перспективному способу изучения этой противоречивой сущности [Н. Алмаев, А. Кибрик, Н. Ковалева, Ю. Мартемьянов, Н. Миронова, П. Паршин, И. Секерина, О. Федорова]. В частности, исследованию подвергается и компьютерный дискурс [1, 2, 3].